

В.В. ВОЛКОВ

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОСТИ, 1935-1938 ГОДЫ: СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАЛИНСКОГО ВРЕМЕНИ

ВОЛКОВ Вадим Викторович — PhD, декан факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Фурманова, 3. Тел. (812) 274-51-33; факс: (812) 275-61-39; e-mail: volkov@eu.spb.su

Данное исследование посвящено процессу формирования советской цивилизации, связанному с концепцией культурности. "Стать культурным" — один из главных императивов 1930-х годов, но не в области "большой" государственной политики, а в сфере обыденной повседневной жизни. Вопрос, в каком контексте этот императив возник и что означал на практике, важен потому, что позволяет отойти от ставших уже традиционными представлений о "тоталитарной" культуре. Речь идет об универсальных прагматических аспектах культуры, связанных с повседневным общественным порядком. Иными словами, в данном исследовании рассматривается определенная конфигурация практик, реконструированная посредством обращения к прагматическому содержанию понятия "культурность"; при этом в качестве источника сведений используется массовая периодическая печать 1935-1938 годов.

Культура и культурность

На фоне многочисленных исследований российской культуры прошлых веков может показаться странным, что термин "культура" почти не употреблялся в российском обществе до 1880-х годов. Может удивить и то, что слово "культура не встречается в языке Пушкина. Публицисты Добролюбов, Чернышевский и Писарев, воспитавшие целое поколение радикальной интеллигенции, также не употребляли данное слово в своих произведениях. Лишь Белинский использовал его однажды в статье 1845 года, размышляя о "литературной культуре". В остальных случаях это слово если и упоминалось, то в своем исконном значении, то есть в применении к сельскому хозяйству [1].

Впервые слово "культура" было зафиксировано в "Достопамятном обозрении" Циммермана 1807 года. Словарь Татищева 1826 года толковал французское "culture" как "образованность" — именно оно употребляется в языке Пушкина в значении, близком гораздо более позднему понятию "культурный"[2]. В отсутствие слова "культура" в обыденном языке образованного российского общества (до 1880-х годов) различные смыслы, которые позже оно в себе соберет, передавались словами "просвещение", "образование", "цивилизация", "литература", "духовность". По отношению к конкретному лицу говорили "образованный" или

"воспитанный". Слово "культурный" впервые употреблено печатно в 1861 году газетой "Русская речь" как пример дурного слога [2].

Все это, конечно, не означает, что до середины XIX века отсутствовали явления, которые теперь принято относить к культуре. Однако некоторая маргинальность этого понятия дает повод задуматься о причинах терминологических сдвигов, лежащих за пределами языка. Как получилось, что "культура" из маргинального и второстепенного превратилась в важный нормативно-окрашенный термин? На фоне каких историко-практических сдвигов произошло это изменение?

Вернемся к истории понятия. Появление термина "культура" в языке русской интеллигенции принято связывать с немецким влиянием. В Германии времен романтиков слово "Kultur" использовалось для выражения истинно национального, народного духа, противопоставляемого французскому влиянию, которое ассоциировалось со словом "Zivilisation" (цивилизация). "Kultur" как самоидентификация немецкой буржуазной интеллигенции противопоставлялась внешне рафинированной аристократии, которую ассоциировали с "Zivilisation"[3]. Российские славянофилы 1840-х годов, первыми попытавшиеся проследить оппозицию между истинно народным духом допетровской Руси и прозападной элитой, использовали соответственно "просвещение" и "образованность". Согласно П.Милюкову, "культура" и "цивилизация" предстали в качестве противоположностей лишь в работах второго поколения славянофилов в 1880-х годах. Наиболее четко это выразил Клеонтьев: под культурой следовало понимать ранний период многоцветия и богатства культурных форм, а под цивилизацией — эпоху вторичного упрощения и заката. Милюков впоследствии комментировал свои "Очерки по истории русской культуры" (1892-1895 годы) как попытку избежать подобных противопоставлений за счет более широкого толкования культуры как специфического сочетания материальной и духовной культуры народа. Он полагал, что разрыв между традиционной народной культурой и культурой образованного общества не есть симптом кризиса или упадка, а выражает лишь переход от стихийного к сознательному типу развития [4].

Рассмотрение оппозиций ("культура — цивилизация", "культура — природа") может прояснить некоторые аспекты самопонимания общества, то есть его идеологии. Не менее важен и историко-практический контекст, играющий роль "фона" в генезисе и трансформации понятий. Оставаясь в рамках идеологии, любая попытка осмыслить феномен культуры была бы обречена на бесконечное блуждание в лабиринтах "семейных" сходств, которыми обладают различные аспекты этого понятия.

Милюков, как и современные ему либералы, рассуждал о том, что различие между культурой образованного общества и культурой народа будет преодолеваться за счет "передачи культурных приобретений от интеллигенции народу сверху вниз"[4, с.479]. Похоже, именно в связи с этой миссионерской идеей — передача образования и культуры отсталым массам — и в контексте первых идеологически оформленных попыток (с 1870-х годов) реализовать эту идею на практике термин "культура" и его производные "культурный" и "культурность" получили широкое хождение в обществе. Либералы, работающие в земских школах, учителя воскресных школ для рабочих и крестьян, интеллигенты-народники и другие группы, захваченные подобной деятельностью, называли это "культурной работой", а себя — "культурниками"[5]. Не исключено, что именно в их деятельности воплотилось понимание культуры как

ресурса, который может быть накоплен "наверху", целенаправленно передан и определенным образом усвоен "внизу". Это модель культурной политики. Она и послужила фоновым референтом понятия культуры. А генетическая связь с набравшей силу массовой политикой, которую нарекли "культурой", стала тем незаметным различием между нею и более ранними формами, именовавшимися по-другому, но впоследствии попавшими под общий знаменатель — "культура".

"Культурность" можно отождествить с индивидуальными эффектами культурной политики. Формально "культурность" употребляется только применительно к личности или группе и указывает на относительный уровень личной культуры и образованности [6]. "Культурность" имеет оттенок личного достижения — это массовая культурная политика, превращенная в императив работы над собой. Не совсем ясно, имел ли этот термин широкое хождение в старой России и использовался ли за пределами народнических и марксистских кружков. Единственный пример контекстуального использования этого слова, приводимый словарями, взят из работы Г.В.Плеханова 1890-х годов "Русский рабочий в революционном движении": "Чем больше я знакомился с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью" [7]. Не подлежит сомнению, что "культура" выдвинулась на первый план в советской официальной лексике. Но если "культура" стала опорным словом массовой политики, то "культурность" оставалась полуофициальным понятием; первое относилось, скорее, к идеологии, второе — к повседневной жизни. И если "культура" постепенно воплотила в себе основную духовную ценность советской цивилизации, прочно укоренилась как в официальном языке, так и в сознании интеллигенции, то это произошло, по-видимому, благодаря тому, что ее практическая ценность (выраженная в концепции культурности) была в определенный момент воспринята и использована властью. Чтобы это увидеть, следует обратиться не к заявлениям вождей или деятелей культуры, а рассмотреть повседневные "практики", связанные с культурностью как она понималась в 1930-е годы.

Американский историк В.Данхэм, которая первая из советологов указала на важность концепции культурности для понимания советского общества, определила ее как "фетишизированное представление о том, как быть индивидуально цивилизованным" [8]. Это определение можно принять, но лишь для того, чтобы поставить ряд вопросов: каким образом человек мог стать культурным (то есть индивидуально цивилизованным) в сталинское время? В каком контексте возник этот императив? Как уровень цивилизованности влиял на индивида и общество?

Культурность в историческом контексте

В вышедшей в 1946 году книге "Великое отступление" американский социолог Н.Тимашев выдвинул тезис: в 1930-е годы внутренняя политика СССР перестала соответствовать господствовавшим ранее революционным коммунистическим идеалам [9]. В отличие от Троцкого, который высказал эту идею десятью годами раньше в виде приговора — "преданная революция", Тимашев документировал "великое отступление" со всей добросовестностью ученого-социолога. Начавшись в 1934 году, оно представляло собой повсеместный, но замаскированный поворот вспять большевистского коммунистического эксперимента. Раннебольшевистские ценности были "плавно" заменены более

традиционной ориентацией на семью, иерархию, профессиональную карьеру, индивидуальное потребление, классическое образование и т.д.: основой исторической динамики "великого отступления" стало формирование "Специфической амальгамы из традиционной русской культуры, идей и поведенческих образцов, принадлежащих коммунистическому циклу" [9, с.354]. Вместе с тем по отношению к "левым" бытовым экспериментам периода культурной революции "великое отступление" было также возвратом к "нормальности" или своего рода "нормализацией" повседневной жизни. Происходили быстрые перемены в обиходе, вкусах, манерах — рождались образцы культурной жизни, имитировавшие некоторые черты стиля жизни образованных слоев дореволюционного общества.

Трансформация, сходная с той, что обнаружил Тимашев (точнее, ее продолжение в послевоенный период), стала предметом анализа Данхэм в книге, посвященной ценностям советского среднего класса [8]. Ее исследование основывалось на допущении, что "в сталинское время — даже в наихудшие моменты сталинского времени — режим поддерживался чем-то большим, чем просто террор, — триумф, — не без иронии замечает Данхэм, — который все еще время от времени забывают" [8, p.13]. За быстрым послевоенным восстановлением страны и стабильностью сталинской системы стояла, по мнению Данхэм, "большая сделка" — официально никогда не провозглашавшийся, но всегда твердо соблюдавшийся контракт между сталинским режимом и "своим", "родным" средним классом, чьи ценности были приняты режимом в обмен на лояльность и служебный профессионализм последнего. "Большая сделка" заключала в себе также конверсию ценностей — переход от воинственного революционного аскетизма и безвозмездной преданности общему делу к культивированию благополучной частной жизни, индивидуализации потребления, ориентации на цивилизованное поведение — "ценности частной жизни превратились в общественную норму" [8, p.15].

Изменения, рассмотренные Тимашевым и Данхэм, происходили вслед за первой волной индустриализации, начавшейся в 1928 году. Эта волна привела миллионы крестьян в города и на новые промышленные стройки. Советологи назвали этот сдвиг "окрестьяниванием городов", поскольку он вызвал резкое изменение состава городского населения за счет увеличения числа выходцев из деревни [10]. С 1926 по 1939 год городское население выросло на 30 млн.; только за первую пятилетку прирост городского населения составил 44% — ежегодно в города устремлялись примерно 3 млн. человек, в основном бывших крестьян [10]. Это привело к резкому ухудшению жилищных условий. Новую рабочую силу помещали в наскоро построенных бараках — форма общежития, которая не могла не повлиять на состояние общественного порядка. Как только традиционные деревенские механизмы общинного контроля перестали воздействовать на бывших крестьян, попавших в новую среду обитания, города захлестнула волна хулиганства, изнасилований, пьянства, воровства и других проявлений отклоняющегося поведения [11]. Отсутствие трудовой дисциплины и высокая "текучка" срывали выполнение производственных планов. Общество приближалось к состоянию аномии. Пресса описывала рабочие бараки, превратившиеся в рассадники грязи и социальной патологии: хулиганство, сплетни, избивание жен, матерщина, отсутствие элементарной гигиены [12,13].

Теоретически, новый пролетариат должен был стать классовой опорой нового режима. Однако вырванные политикой индустриализации из привычного уклада жизни, лишившиеся

традиционных поведенческих ориентиров, массы людей представляли реальную угрозу — просто тем, что разрушали элементарный, повседневный общественный порядок, лежащий в основе любого режима. Согласно недавним архивным исследованиям карательных учреждений сталинского периода, большинство "социально опасных элементов" и "контрреволюционеров", интернированных или расстрелянных в 30-е годы, были арестованы за бандитизм, грабеж, хищения государственной собственности, хулиганство, мошенничество и другие уголовные преступления. Политизация преступности (то есть тенденция квалифицировать некоторые преступления как "политические") обусловлена тем, что эти виды криминальной активности рассматривались властью как прямая угроза существованию режима [14]. Политизация проблемы общественного порядка и отсутствие у властей четкой концептуальной дифференциации политических и уголовных преступлений впоследствии создали не совсем верные представления о том, что все население ГУЛАГа — жертвы политического террора. Но даже если согласиться с тем, что режим применял суровые карательные меры как средство социальной самозащиты, нет достаточных оснований полагать, что насилие было основным средством борьбы с нарастающим хаосом.

В условиях острого кризиса общественного порядка, который быстро превратился в системный, логично предположить, что власти стремились противостоять окрестьяниванию городов, или, точнее, желали компенсировать этот процесс, не допуская окончательного разрушения социальной ткани. Политику повседневной жизни, которая постепенно сформировалась, можно назвать "урбанизацией" (или "огорожаниванием") новой рабочей силы. Массы людей требовалось приучить к городскому образу жизни. В данном случае набор практик, соответствовавших городскому образу жизни, был тождествен способам нормализации и повседневного дисциплинирования, диктуемых как промышленной организацией труда, так и типом общественного порядка, который отличает городскую среду. Поскольку новый пролетариат считался идеологическим союзником режима и от него во многом зависел успех индустриализации, власти не могли прибегать к широкомасштабным мерам наказания. Логической альтернативой стала более продуктивная и "позитивная", ненасильственная политика, направленная на восстановление и поддержание общественного порядка. Чтобы дисциплинировать новое городское население, его необходимо было цивилизовать: превратить бывших крестьян в членов современного общества.

Другое следствие индустриализации — быстрый рост административно-управленческих иерархий, нового правящего класса. Выдвиженцы первых пятилеток были набраны из "низов", обучены в училищах и академиях, назначены на руководящие посты. Повышенная вертикальная мобильность 30-х годов выразилась в частых "перетрясках" высшего хозяйственного руководства, чистках "старых" кадров и последующем быстром продвижении новой рабоче-крестьянской интеллигенции [15]. По происхождению новые кадры были в основном из рабочих и крестьян, а по своему положению в системе и доступу к материальным благам они принадлежали к верхней прослойке среднего класса. Противоречие между классовым происхождением и социальным положением должно было найти идеологическое разрешение, не затронув основных догматов "рабоче-крестьянского социалистического государства". Когда в конце 1935 года в известной речи Сталина было официально санкционировано право на веселую зажиточную

жизнь¹, именно понятие культурности стало отождествляться с высокими стандартами индивидуального потребления. В то время как в действительности зажиточный и цивилизованный образ жизни был доступен в основном лишь новой административной элите, возможности личного благосостояния были обещаны каждому, кто готов эффективно работать². По точному наблюдению американского историка Ш.Фитцпатрик, "одним из огромных преимуществ концепции культурности в постреволюционном обществе, отягощенном похмельем революционного пуританства, была возможность легитимировать то, что когда-то считалось "буржуазной" заботой о личном имуществе и статусе: теперь это можно было считать аспектом культуры" [15, p.218].

В целом политика культурности формировалась на пересечении двух видов целесообразности: прагматической и идеологической. Практика освоения навыков культурности объективно служила повседневным "мягким" инструментом дисциплинирования новых горожан, оформляя и нормализуя, согласно образцам культурности, их обыденную жизнь. А идеология культурности была одним из средств интеграции "низов" в систему квазиэлитарных ценностей. Поскольку идеологический аспект культурности достаточно подробно рассмотрен упоминавшимися ранее американскими историками, наше внимание будет сосредоточено на прагматическом аспекте культурности, то есть практиках, связанных с нормализацией повседневного обихода.

Структурная динамика культурности

"Культурность" никогда не была четко сформулированным понятием, ни один руководитель партии или правительства не давал установок, как стать культурным. Конкретные случаи употребления этого понятия, разбросанные по страницам газет и журналов того времени, не имеют единого и неизменного смыслового канона. Многочисленные примеры и поучения на тему культурной жизни, скорее, указывают на преобразование ряда внешних и внутренних качеств человека, причем не только за счет постоянного воздействия извне, но и благодаря "работе над собой". Собрав эти качества воедино, получим модель "культурного человека", которая, к некоторому разочарованию, окажется всего лишь вариацией на тему индивида в современном обществе — внешне цивилизованного и внутренне преданного ценностям социальной системы. Уникально, что эта модель формировалась и функционировала в эпоху "большого террора", являя собой, тем не менее, альтернативную ему позитивную стратегию власти.

Как стать культурным? Похоже, в сталинское время этот вопрос волновал многих. Периодическая печать давала ответы. Однако рецепты, как стать культурным, не были постоянными и даже могли противоречить друг другу. Они менялись, способствуя изменению прагматического содержания концепции культурности. Задавая мысленно тот же самый вопрос, попробуем проследить структурную динамику культурности — изменение практик, стоявших за этим понятием и логику их взаимоотношений.

Мода и внешний вид. Простейший и наименее

¹ Имеется в виду речь Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года.

² Уровни потребления рассмотрены Е.А.Осокиной [17]. Следует отметить, что в этой работе не вполне учитываются сдвиги в политике повседневной жизни в 1935-1936 годах.

требовательный аспект культурности — стиль одежды. Это было самое раннее проявление культурности, характеризовавшее внешний вид человека, его манеру одеваться, новую моду 30-х годов. Культурный тот, кто культурно одет. Популярная ранее военная форма и ее производные — стиль революционных лет, выросший из подчеркнутой раннебольшевистской аскетичности и естественной нищеты — уступали место разнообразной одежде гражданского типа, "цивильным" вещам, воплощавшим новую культуру потребления³. Согласно опросам комсомольцев, проведенным А.Каганом в Ленинграде, молодежь уделяла большое внимание моде. Молодая ударница Кировского завода, например, планировала потратить свою повышенную зарплату на "платье крепдешинное, туфли бежевые, костюм-оксфорд, хорошее зимнее пальто"; а комсомолец-ударник мечтал о костюме-бостон, желтых ботинках и красивых рубашках [19]. Эта тенденция — забота о том, чтобы внешний вид соответствовал моде — была институционализирована открытием первого советского Дома моделей в Москве. Стали выходить журналы мод — можно было приобрести французские "Saison Parisienne", "Grand Revue des Modes", "Votre Gout", а также отечественные — "Журнал Дома мод" и "Моды осени и весны 1936 года" [20].

Забота о внешности и уход за собой принимали и более тонкие формы. В начале 1936 года пресса информировала читателя о том, что Советский Союз по выпуску парфюмерии превзошел Францию и занял третье место в мире после США и Великобритании [21]. В том же году "в связи с ростом культурных навыков" наблюдался "повышенный интерес населения к гигиене кожи лица и тела", для удовлетворения которого в Москве был открыт Институт косметики и гигиены Главпарфюмера [22]. Пресса пропагандировала духи и массаж лица, подавая это как культурную норму, хотя в недавнем прошлом это считалось проявлением "чуждой" непролетарской культуры.

Личная гигиена. Логическим продолжением заботы о внешнем виде стала необходимость содержать в чистоте тело и носить свежее нижнее белье. "Чистота и опрятность по справедливости считаются признаками культурности. Нельзя назвать человека культурным, если он не содержит свое тело в чистоте" [23]. Таким образом, в "матрицу" культурности вошел еще один элемент — личная гигиена. По мере усиления внимания к этому аспекту повседневности, происходили малозаметные изменения и в обслуживании гигиенических потребностей. Официальная линия заключалась в постепенном переходе от традиционной коллективной бани к более индивидуализированному гигиеническому обслуживанию. На казенном языке эти изменения описывались как "замена бани ванно-душевым индивидуальным мытьем" [24]. Это было началом постановки "индивидуальных ванно-душевых комплексов" в новых домах.

Требование чистоты тела возникало в рамках широкого движения за личную гигиену. Это требование предусматривало такие предметы обихода, как постельное белье, нижнее белье, носовой платок — одновременно инструменты гигиены и показатели индивидуальной культурности. Так, исследование 500 ленинградских рабочих, проводившееся в 1934 и 1936 годах (продолжение ранее упоминавшегося исследования А.Кагана) связывало уровень культурности с обеспеченностью постельным и нижним бельем. Оно показало, что в 1936 году среди опрошенных молодых рабочих не

³ Об эволюции моды в 1920-1930 годы см.: [18].

было ни одного, у которого имелся бы только один комплект постельного белья; по две смены имели 5% опрошенных, три-четыре — 38%, пять и более смен постельного белья оказалось у 57% рабочих, попавших в выборку. Это был, по мнению автора исследования, серьезный сдвиг ("наряду с обеспеченностью бельем растет культурность") по сравнению с 1934 годом, когда 2% опрошенных вообще не имели простыней, 17% — только одну, 34% пользовались двумя комплектами белья, у остальных 47% рабочих в распоряжении было более двух комплектов постельного белья [25]. Сходная тенденция была зафиксирована и в отношении частоты смены нижнего белья, хождения в баню, пользования душем. Возможно, в обследовании не ставилась задача выяснить уровень личной гигиены, автор лишь стремился продемонстрировать рост культурности, и его работа была не вполне репрезентативной и объективной. Однако сам факт проведения обследования и публикации его результатов в ходе кампании за чистоту тела весьма показателен. "Давайте же бороться за чистоту тела, за чистое носильное, постельное белье, за чистый носовой платок, за чистую салфетку, за общий культурный внешний вид" [26].

То, что гигиеническая кампания совпала с движением за повышение эффективности производства (стахановское движение), было не случайно. Личная чистота являлась показателем самодисциплины и эффективной организации трудовой деятельности. Трудовые показатели на производстве и бытовое поведение работников связывались посредством культурности: стахановца характеризовала "строгая дисциплинированность, устранение распушенности", "подлинный стахановец должен быть образцом чистоты, опрятности, культурности и на работе и в своем личном быту" [27]. В апреле-мае 1936 года в печати прошла дискуссия о культурности, в центре которой — связь между личной гигиеной, личным достоинством и культурой производства. В контексте обсуждения производственных вопросов звучали призывы к работникам обратить внимание на себя: "надо просто следить за собой", "культурно себя держать" [28].

Навыки самоконтроля, в том числе личной гигиены, способствовали развитию способности к более сложным, точным и экономным движениям, которых требовала от рабочих растущая техническая сложность производства: "Стахановский стиль — это точность плюс чистота" [29]. Дискуссия носила двойственный характер. С одной стороны, в ней присутствовал явный моральный оттенок: культурность отождествлялась с достоинством работника, с личным достижением, источником гордости и уважения. С другой стороны, она интегрировалась в систему промышленного труда как один из источников его эффективности. "Белый воротничок и чистая кофточка — это необходимый рабочий инструмент, который влияет на выполнение плана, на качество продукции" [30].

Министр тяжелой промышленности Г.Орджоникидзе призывал персонал следить за своей внешностью и регулярно бриться, в связи с чем многие заводы издали специальные распоряжения, обязывавшие работников бриться и причесываться, причем эти мероприятия сопровождалась установкой дополнительного количества зеркал. В статье, подводившей итоги дискуссии о культурности, "Правда" подчеркивала, что это не эпизодическая кампания, а "длительная систематическая работа по культурному самовоспитанию, по внедрению культурных навыков в самые широкие слои рабочих"[31]. В последующий месяц власть развернула новое всесоюзное движение, целью которого как раз и

была систематическая работа по культурному самовоспитанию.

Движение общественниц. Согласно официальной версии, идея мобилизации жен руководящих работников промышленности для внедрения культурности в рабочей среде родилась в уме Орджоникидзе в 1934 году, когда он посетил Красноуральский завод и заметил на его территории красивую цветочную клумбу, за которой ухаживала жена начальника трансформаторной станции (Суровцева, позже лидер движения). В мае 1936 года было созвано Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности, за которым последовали аналогичные совещания в других отраслях, в сфере коммунального хозяйства, в Красной Армии. Это положило начало движению за распространение культурности на производстве и в быту. Вскоре начал выходить журнал "Общественница", в дальнейшем это движение стали называть движением общественниц. Общественницами были жены начальства, которые занимались добровольной общественной деятельностью. Их основная задача — переустройство быта рабочих в соответствии с нормами культурности. Они не занимались агитацией и пропагандой. Основной принцип деятельности был прост и практичен: "Культурная обстановка повышает культурность жильцов", "обстановка обязывает и воспитывает" [32, с.12]. Здесь мы сталкиваемся с попыткой сознательно изменить привычки людей не прямым словесным воздействием или принуждением, а путем изменения материальной среды, определяющей уклад повседневной жизни. Общественницы изменяли обстановку, а обстановка постепенно изменяла людей.

Переустройство начиналось с барачков. Именно бараки считались источником бескультурья — насилия, грязи, болезней, матерщины, пьянства и т.д. На страницах своего журнала общественницы делились опытом переустройства барачков с помощью возведения перегородок и деления некогда общего барачного пространства с нарами на отдельные комнаты. Ликвидация барачков путем строительства перегородок — постоянная забота общественниц. Перестраивая "огромные грязные залы", жены начальников вводили иные нормы общежития. "Одна кровать с другой не должна соприкасаться даже изголовьями, совершенно недопустимы общие нары. Сидеть на кроватях или хранить на них какие-либо вещи следует строго воспретить. К "длиннику" каждой кровати нужно оставить свободный проход шириной не менее 0,35 метра; кроме того вдоль кроватей должен быть общий проход шириной не меньше 1,5 метра" [32, с.30,31]. Подобные преобразования приводили к улучшению гигиенических условий и облегчали санитарный контроль, а перегородивание и расселение улучшали дисциплину и общественный порядок. Кроме того, создание изолированных комнат с меньшим числом обитателей и увеличение расстояния между спальными местами способствовали деколлективизации быта и сдвигам в сторону большей "приватности" жилья. Вместе с тем перегородивание облегчало социальный контроль, а перевод жилищных помещений в категорию "жилплощади" создавал властям идеальные условия для манипуляции жизненным пространством⁴. Таким образом создавалось более дифференцированное жизненное пространство, в котором естественные функции, социальная активность, сон, еда, "публичные" и "приватные" виды деятельности были бы разграничены во времени

⁴ О способах переустройства барачков и организации быта рабочих на примере Магнитогорска см. публикацию [33].

и в пространстве.

Вещи и символы частной жизни. Вещи, предметы обихода, окружавшие людей и предоставленные им в пользование, выполняли дополнительную функцию по изменению повседневных привычек. Набор вещей, ассоциировавшихся с культурностью, был достаточно широк. Но особо выделялись три вещи, совмещавшие практические и символические функции: занавески, абажуры и скатерти. Их можно считать бытовыми символами эпохи. Иногда этот набор дополнялся коврами и цветами. Достижения по переустройству быта звучали так: "На окнах — белоснежные занавески, на столах — скатерти, цветы. Появились никогда ранее не виданные вещи: этажерки с книгами, платяные шкафы, шелковые абажуры" [34]. "Красноармейские казармы и столовые убраны портьерами, занавесками, скатертями, вышитыми заботливыми женскими руками" [35]. В комбинации с другими предметами культурности, занавески, абажуры и скатерти присутствуют в рапортах на протяжении нескольких лет [36-38]. Показательно, что когда пароход "Таймыр" готовился к походу в Арктику для спасения экспедиции Папанина, общественницы особо позаботились об интерьере кают, которые должны были принять покорителей Севера: "Было решено сделать два красивых абажура на лампы и скатерть под патефон. Много красивых вещей приготовили наши женщины: портьеры, скатерти, салфетки, дорожки, абажуры" [39].

Занавески становятся универсальным атрибутом культурности, предметом обихода, символически создающим "дом" или культурное жилье. Эффект занавесок — в конституировании (символическом и реальном) частного пространства, причем вне зависимости от того, где они размещены: на окнах, в дверных проемах или делят комнату на части. В любом случае занавески — это особый знак границы, отгораживающей внутреннее пространство от внешнего. Человек, открывающий или закрывающий занавески, — известный художественный и кинематографический стереотип. Занавески функционируют как своеобразная "шторка", регулирующая степень обособленности частного пространства от внешнего мира, его обозримости. "Белоснежные занавески" — часто встречающееся сочетание — несут дополнительную символическую нагрузку, указывая на надлежащую гигиену.

Абажур совмещает в себе функцию регулирования тональности освещения и эстетику интерьера. Вместе с тем освещение — это элемент социальной микроструктуры. Оно задает жанр события, происходящего в том или ином помещении. Например, можно говорить о парадном или торжественном освещении, обеспечивающем предельную яркость или полную видимость происходящего, или, наоборот, об интимном освещении. Известны разные техники сценического освещения. У Станиславского определенная светотехника служит инструментом создания "публичного одиночества": "В узком световом кругу... можно решать трудные задачи, разбираться в тонкостях собственных чувств и мыслей; можно общаться с другим лицом, чувствовать его, поверять свои интимнейшие думы" [40]. Увлечение абажурами, — а журнал "Общественница" приводит инструкции по изготовлению абажуров из различных тканей — несет социальные эффекты. "Эффект абажура", более мягкий рассеянный свет, ограничивающий и сжимающий пространство, — органичное условие создания обособленного частного пространства.

Наконец, скатерти — еще один нормативный элемент культурного обихода. Белая скатерть выступает как обобщенный показатель культурности и в то же время связывает диету, гигиену и

правила поведения за столом. Статья, где приводятся основы рационального питания, заканчивается следующим поучением: "Если стол накрыт чистой скатертью, то обед кажется вкусным и хорошо усваивается. Культурно жить — это также значит культурно питаться" [41]. "Внедрение" скатертей в рабочих столовых сопровождалось и другими изменениями. Длинные сколоченные из досок столы и общие скамейки заменялись отдельными столиками на 4-6 человек и стульями. Это, в свою очередь, влияло на поведение за столом. Отдельный стол с белой скатертью, с вилками и ножами оказывал дисциплинирующее воздействие, заставлял людей следить за своими манерами. "За такой стол не сядешь с грязными руками"[42].

Культурность, таким образом, предполагала системные изменения в материальной обстановке. Многие вещи не просто являлись отдельными предметами, а были элементами того, что можно назвать "бытовой матрицей", где предметы обихода предполагали друг друга и, будучи собранными воедино, образовывали материальную инфраструктуру культурности. Эта инфраструктура, в свою очередь, предполагала образ пользователя как совокупность неких практических навыков, ритмов деятельности, самодисциплины, элементарных привычек. Люди использовали элементы этой инфраструктуры не только для удовлетворения практических нужд, но и для того, чтобы стать культурными личностями. Стремясь к этому, они неизбежно должны были развивать навыки и привычки, заложенные в способе употребления предметов культурности. Поэтому в долгосрочной перспективе бытовая матрица культурности, единожды став обыденной нормой, обеспечивала упорядоченность повседневной жизни и воспитывала без какого-либо открытого принуждения.

Разговорная речь. В марте 1936 года комсомольская пресса провела кампанию против языкового бескультурья. Заклеймив нищий, тусклый, приклатенный жаргон комсомольских лидеров и призвав к борьбе за правильный литературный язык, автор статьи в журнале "Смена" поднял вопрос, который отразил определенный сдвиг в понимании культурности: "Неужели культура заключается только в том, чтобы стахановцы носили шевиотовые костюмы и посещали "не меньше трех раз в месяц" кино и театр?"[43]. Эта же идея прозвучала на десятом съезде комсомола в речи Косарева, секретаря ЦК: «"У нас развелись люди, которые различные мешанские атрибуты выдают за зажиточную культурную жизнь. Их помыслы не идут дальше костюма иностранного покроя, патефона и книг издания "Академия" "» [44]. Формально задача оставалась прежней — "приобретать культурность". Однако чисто внешние признаки (модная одежда) и формальные показатели (хождение в кино) провозглашались недостаточными для того, чтобы быть культурным человеком и даже квалифицироваться как "мелкобуржуазные". Это означало постепенное изменение в концепции культурности. Из поверхностного атрибута культурность превращалась во внутреннее качество, атрибут самой личности. По мере возрастания ценности внутренней культуры, выражавшейся в требованиях не казаться, а быть культурным, изменялся и метод ее приобретения. Так, овладение правильным литературным языком предполагало более сложные и продолжительные усилия по сравнению с покупкой модных костюмов и патефонов.

Языковой аспект культурности снова попал в центр внимания в 1937 году в связи со столетием со дня смерти Пушкина. Этот "всенародный праздник", тщательно готовившийся задолго до самой

годовщины (решение ЦИК о формировании пушкинского комитета, включавшего членов правительства и творческую интеллигенцию, было принято еще в декабре 1935 года), обозначил слияние русской и советской культуры. Пушкин был объявлен достоянием трудящихся, образцом гражданственности, выразителем национального духа [45]. Прагматическая же значимость Пушкина, его роль с точки зрения политики повседневной жизни, состояла в нормализации языка — пушкинский язык объявлялся идеальным речевым канон. "Бесспорно то благотворное влияние, которое оказывает знакомство с пушкинской речью на борьбу за культурный, правильный, точный язык"[46].

Чтение и культурный горизонт. До того, как чтение было провозглашено (в 1938 году) основной формой политического самообразования, эта практика была связана с приобретением культурности. Вначале слово "грамотность" употреблялось как синоним культурности, однако по мере того, как люди стали больше читать, распространение получило слово "образованность". "Грамотность" указывала на технический навык чтения, в то время как "образованность" означала определенный запас знаний и отражала общий культурный горизонт. Тогда "культурность" ("образованность") подразумевала знания, полученные посредством чтения, начитанность. Так, в речи на отчетной конференции московского комитета ВЛКСМ весной 1936 года секретарь комитета представил образец культурного и образованного человека — 20-летнего слесаря ленинградского завода "Электроаппарат" Нину Елкину, которая "за 1935 год прочла 78 книг, среди них Бальзак, Гамсун, Гончаров, Гофман, Гюго, Ростан, Флобер, Франц, Чехов, Шекспир, Вересаев, Новиков-Прибой, Серебрякова, А. Толстой, Тынянов, Чапыгина, Б.Ясенский" [47].

Наряду с ранними "поверхностными" элементами стало формироваться и "глубокое", связанное с культурным знанием представление о том, как стать культурным. Культурность постепенно превращалась в своего рода стандартный запас знаний, формируя общий культурный горизонт. Культурный мир советского человека в его нормативном аспекте, своего рода "культурный минимум", можно реконструировать по анкете "Культурный ли вы человек?", опубликованной в течение 1936 года в каждом номере еженедельного журнала "Огонек". Каждая анкета содержала 10 вопросов и сопровождалась инструкцией: "Помните, если вы не сможете ответить хотя бы на один из предложенных вопросов, вы, очевидно, мало знаете о целой области науки или искусства. Пусть это послужит вам сигналом, чтобы поработать над собой" [48]. Инструкция также рекомендовала проверить своих родственников и знакомых. Приведем список "вопросов культурному человеку" из первого номера:

1. Прочитайте на память полностью хотя бы одно стихотворение Пушкина.
2. Назовите и охарактеризуйте пять пьес Шекспира.
3. Перечислите хотя бы четыре реки в Африке.
4. Назовите любимого композитора и его три крупных произведения.
5. Назовите пять марок советских автомобилей.
6. Переведите простую дробь $3/8$ в десятичную.
7. Назовите три самых крупных спортивных состязания в прошедшем сезоне и их результаты.
8. Расскажите о трех картинах, больше всего вам понравившихся из выставленных художниками за

последний сезон.

9. Читали ли вы Стендаля "Красное и черное" и Тургенева "Отцы и дети"?

10. Расскажите подробно, почему стало возможным стахановское движение в нашей стране.

Не исключено, что к концу 1936 года многие советские читатели могли справиться с некоторыми вопросами этой анкеты. Упоминания об анкетах "Огонька" можно встретить в других массовых периодических изданиях. Клубам культуры рекомендовалось вывешивать их в качестве настенного чтения. Возможно, в тот год они были популярной темой разговоров и способом работы над собой. В любом случае это ценный документ, отражающий базовый набор культурно-политического знания, которым должен был обладать советский человек, — во всей широте и одновременно ограниченности. Например, первый вопрос предполагал знакомство с Пушкиным, последний — знание четырех пунктов из речи Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 года. В следующем номере журнала (№ 2) требовалось ответить на вопрос: "Как звали в древнем Риме и Греции бога войны, богиню любви и бога торговли?", назвать три типа военных самолетов, а также имена семи стахановцев. В другой анкете (№ 7) проверялось, например, знание различий между мартиновской и доменной печами, произведений четырех американских писателей, стихотворения Гейне, названия двух советских ледоколов...

Классификация и анализ нескольких сотен вопросов "Огонька", которые отсылали к другим публикациям, книгам, культурным и политическим событиям года, могли бы способствовать реконструкции некоторой идеальной модели жизненного мира советского человека того времени или образцов культурного знания. Для целей данного исследования достаточно принять их за свидетельство дальнейшей трансформации концепции культурности. Чтобы стать культурным, человек должен читать классическую литературу, современную прозу, газеты, произведения классиков марксизма-ленинизма, ходить на выставки, в кино, в театр. Культурный человек должен иметь богатый внутренний мир и широкий культурный горизонт.

Выделим два общих момента, характеризовавших процесс приобретения культурности. Во-первых, все аспекты культурности предполагали друг друга как некоторое органическое целое и на практике воплощали элементарную структуру общественного порядка. Во-вторых, практика культурности совмещала общественное и личное: источником и средством приобретения культурности были как "забота общественности", так и "работа над собой". При этом первоначальное внешнее воздействие общественности должно было постепенно уступать место индивидуальной способности самостоятельно строить свое повседневное поведение в соответствии с нормами культурной жизни.

Культурность и большевистская сознательность

Рассматривая эволюцию этой концепции, можно зафиксировать еще один немаловажный аспект: логика распространения культурности предполагала "движение" от внешнего к внутреннему, которое начиналось с норм внешней опрятности и хороших манер и оканчивалось артикулированием того, что становилось внутренним миром человека, колонизируя этот мир

и требуя внутренней идеологической убежденности.

Внимание к вопросам культурности стало ослабевать к концу 1937 года, и уже в 1938 году на повестку дня был выдвинут чисто политический лозунг: "Овладеть большевизмом!". Он подразумевал знание вопросов диалектического материализма и предполагал воспитание большевистской сознательности. По мере распространения и освоения навыков культурности, ее идеологическая значимость ослабевала. Но сама практика не исчезала, а наоборот, укоренялась, сдвигаясь на задний план. В политическом дискурсе "приобретение культурности" постепенно растворилось в более широкой концепции политического самообразования. Между ними, однако, была определенная логическая связь.

Переход к овладению большевизмом сопровождался проблематизацией внешних аспектов культурности. Модная одежда, хорошие манеры и даже грамотная речь стали ассоциироваться с образом врага. Именно сфера быта и отдыха комсомольцев попала под ожесточенную критику на IV пленуме ВЛКСМ в конце августа 1937 года. Одновременно комсомольская печать начала "вскрывать" факты разложения молодежи и подрывной работы в комсомоле, которые, по существу, являли собой ту самую культурную, веселую и легкую жизнь, которая еще год назад считалась нормальной. Новым "открытием" стало то, что "враги" действуют в молодежных общежитиях, в клубах и на танцплощадках. Одетые по последней моде в так называемом харбинском стиле, они затягивают комсомольцев в "красивый и разгульный" образ жизни, а затем вербуют их в ряды "шпионов" [49]. Если в 1936 году на съезде комсомола молодежь призывали овладевать хорошими манерами и обращаться друг с другом, особенно с девушками, галантно, то к концу 1937 года ситуация изменилась. Внешние атрибуты культурности подверглись критике и осуждению, а на первый план вышло требование иметь твердые внутренние убеждения и сознательность. Позже комсомольская печать сконструировала обобщенный и легко распознаваемый образ врага: "Изменился облик хулигана! Враг одет по последней моде. У него галантное обращение. Он красиво танцует, красиво говорит. Он умеет нравиться девушкам. Но копнешь такого человека, и вскрывается его звериное, враждебное нутро"[50].

Интересно, что эволюция образа врага была определенным образом связана с динамикой культурности. В 1934-1935 годах "враждебными элементами" считались грязные, нестриженные ("волосатики"), плохо одетые люди с дурными манерами, в то время как героями массовой периодики были модно одетые, чистые, воспитанные люди, живущие веселой культурной жизнью. В 1936-м и начале 1937 года по мере того как культурность стала все более четко ассоциироваться с внутренней культурой, начитанностью и образованностью, тех, кто увлекался лишь внешней "показухой" и простым потребительством, уже могли обвинять в "мелкобуржуазности". Наконец, в конце 1937-го и в 1938 годов большинство ранних атрибутов культурности могли восприниматься подозрительно, и хотя никто официально не отменял личную гигиену и начитанность, истинные достоинства советского человека уже переместились в сферу сознания и внутренней убежденности. Таким образом, действительная логика освоения культурности — "от внешнего к внутреннему" — была в определенный момент перевернута, сформировалась иная, более привычная иерархия ценностей, в которой за "внутренним" закрепился статус первостепенного, истинного и сущностного. При этом высшей ценностью становилась большевистская сознательность.

Официальное начало "эпохи" культурности обозначено известным сталинским утверждением ноября 1935 года: "Жить стало лучше, жить стало веселее"; ее закат совпал с новым сталинским лозунгом "Овладеть большевизмом!", выдвинутым в сентябре 1938 года в связи с выходом "Краткого курса истории ВКП(б)"⁵.

В 1935-1936 годах стахановцев преподносили как образец культурности. Пресса восторженно описывала, как они приобретают дорогие вещи, одежду, книги, мебель, велосипеды и даже автомобили. Материалы Всесоюзного совещания стахановцев военных строек (декабрь 1935 года) содержат, например, стенограмму выступления передовой работницы Виноградовой: "С июля месяца купила себе хорошую кровать — 280 рублей отдала (аплодисменты), купила зимнее пальто — 400 рублей отдала (аплодисменты), 180 рублей отдала за костюм летний, 180 — за ручные часы (аплодисменты), 165 рублей на осеннее пальто (аплодисменты)"[51]. Стахановцы были передовыми во всех отношениях, в том числе в личном потреблении и культурном проведении досуга. Позже к этому образу добавился еще один важный компонент. Мы находим его в автобиографии стахановца Бусыгина (жанр рассказов о жизни летчиков, моряков и других знаменитостей был в то время популярен). Рассказав о своем участии в культурной жизни, в частности увлечении театром, и описав свою новую отдельную квартиру, стахановец делится с читателями новым опытом: "Сейчас я работаю над историей ВКП(б). Медленно в ночной тишине перечитываю строку за строкой, абзац за абзацем. Возникают десятки вопросов, много новых мыслей — записываю их. Только недавно я стал практиковать этот способ работы над книгой. Когда работаешь над книгой сам, когда над каждой строчкой думаешь, тогда чувствуешь, как учишься по-большевистски мыслить"[52]. Это описание создает образ максимальной "приватности": тихая затемненная комната с задвинутыми шторами и светлый круг от настольной лампы, где лежит раскрытая книга. Идеальная обстановка для внимательного чтения и глубоких размышлений. Новый опыт, описанный Бусыгиным, указывает на две характеристики частной жизни, — отдельное пространство, позволяющее некоторую уединенность ("частное" как "отдельное") и чтение "про себя", стимулирующее рефлексию ("частное" как "внутреннее").

* * *

В лексиконе исторических исследований повседневной жизни есть термин "приватизация жизни". Им обозначают долгий и многомерный процесс изменения повседневного обихода и человеческих отношений, благодаря которому в Западной Европе сформировался современный индивид как обособленная социальная единица [53]. Этот процесс включал трансформацию практически всех аспектов повседневной жизни людей и социальной дистанции между ними и сопровождался появлением оппозиций, а затем изменением конфигурации понятий "общественное — частное", "внешнее — внутреннее", "открытое — скрытое". Некоторые сходные тенденции можно обнаружить в до- и послевоенном СССР. Рассмотренные выше практики, вещи и символы, связанные с концепцией культурности, были обусловлены как проблемой

⁵ Согласно постановлению ЦК от 14 ноября 1938 года о новых формах пропаганды, принятому в связи с выходом "Краткого курса", основным методом овладения большевизмом должно было стать самостоятельное чтение.

общественного порядка, так и тенденцией к "приватизации" жизни, существовавшей с конца 30-х, но ставшей более явной и широкой лишь к концу 50-х годов.

Вместе с тем политика повседневной жизни, связанная с культурностью, не представляла строгого, последовательного во времени и непротиворечивого набора действий. Вызванное к жизни в 1936 году, движение общественниц, например, изменило свои задачи в 1939-м в связи с угрозой мировой войны и начавшейся военной мобилизацией. Цивилизующая направленность движения была изменена в сторону военной подготовки. И хотя это движение официально не возрождалось после войны, многие культурные императивы продолжали реализовываться на повседневном уровне и в 50-х годах, превращая нормы культурной жизни в обыденные привычки. Когда это произошло, о культурности попросту забыли как о привычном и продолжали говорить в основном о культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. История слов в истории обществ. М.: Наука, 1971. С. 128.
2. Шанский Н. Этимологический словарь русского языка. Т.2. М.: Наука, 1982.
3. Elias N. The Civizing Process. Vol. I. The history of manners. / Trans, by E.Jephcott. Oxford: Basil Blackwell, 1978. P. 4
4. Милуков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч 2. М., 1994. С.467-468.
5. Банк Б. Изучение читателей в России. М., 1969.
6. Ушаков Д. Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 1935.
7. Словарь современного русского языка. Т. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
8. Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass values in Soviet aiction. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 22.
9. Timasheff N. The Great Retreat: The growth and decline of communism in Russia. New York: Dutton & Co, 1946.
10. Lewin M. Society, state and ideology during the first five-year plan // Cultural Revolution in Russia, 1928-1931 / Ed. by S.Fitzpatrick. Ontario: Indiana University Press, 1978. P.52.
11. Левина Н. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30-42.
12. Революция и культура. 1930. № 11. С.24-28.
13. Культура и быт. 1932. N 25. СП.
14. Getty A., Rittersporn G., Zemskov V. Victims of the Soviet penal system in the pre-war years: A first approach. // American Historical Review. 1993. October. P.1032, 1033.
15. Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P.149-182.
16. Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд-е 11-е. М.: Партиздат, 1939. С. 499. П.Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928-1935. М., 1993.
17. Левина Н. Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки // Родина. 1994. № 9. С.112-117.
18. Гигиена и здоровье. 1936. № 21. С. 7.
19. Общественница. 1937. № 8. С.9.
20. Огонек. 1936. № 5. С.19.
21. Гигиена и здоровье. 1937. № 8. С.9.
22. Стахановец. 1937. № 2. С. 53.
23. Социалистический город. 1936. № 1. С.36.
24. Гигиена и здоровье. 1936. № 20. С.12-13.

26. Гигиена и здоровье. 1936. № 7. С.13.
27. Правда. 1935. 28 октября.
28. Правда. 1936. 24 апреля.
29. Правда. 1936. 6 мая.
30. Правда. 1936. 24 апреля.
31. Правда. 1936. 6 мая.
32. Общественница. 1937. № 3. С.12.
33. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as civilization. Berkeley: Berkeley University Press, 1995. P.157-197.
34. Общественница. 1936. № 2. № 9.
35. Из обращения Всесоюзного совещания жен командного состава РККА 23 декабря 1936 года // К Всесоюзному совещанию жен хозяйственников и ИТР легкой промышленности. М.: Политиздат, 1937. С.7.
36. Общественница. 1937. № 3. С.12.
37. Общественница. 1937. № 12. С.5.
38. Общественница. 1938. № 1. С.26, 33, 38.
39. Общественница. 1938. № 4. С.13
40. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Т.1. М., 1948. С.174.
41. Общественница. 1936. № 5. С.12.
42. Общественница. 1937. № 3. С.12.
43. Смена. 1936. № 3. С.26.
44. X съезд ВЛКСМ. 11-21 апреля 1936 года. Сб. материалов. М.: Политиздат, 1938. С.41.
45. Правда. 1935. 17 декабря.
46. Клуб. 1937. № 2. С.4.
47. Клуб. 1936. № 6. С.1.
48. Огонек. 1936. № 1. С.22.
49. Смена. 1937. № 8. С.25-26.
50. Смена. 1938. № 12. С.20.
51. Стахановцы военныхстроек. Совещание 2-4 декабря 1935 года. М.: Партиздат, 1936. С.36.
52. Бусыгин А. Жизнь моя и моих друзей. М.: Партиздат, 1939. С.70.
53. A History of Private Life. Vol. II-IV / Ed. by P.Aries and G.Duby. London: The Belknap Press, 1989.